

Чернова М.С. Ф.М.Достоевский и Н.С.Лесков об особенностях народной веры / М.С. Чернова // У ракурсе сучаснага асэнсавання. Межкафедральны зборнік навуковых твораў – Могилев : МГУ ім. А.А. Кулешова, 2011 - Вып. 5 : Філологія - С.45-50.

Чернова М.С. (Могилев)

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ И Н.С.ЛЕСКОВ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАРОДНОЙ ВЕРЫ.

Ф.М.Достоевского и Н.С.Лескова в одинаковой мере волновали такие вечные вопросы, как вера и неверие, церковь и общество, национальность и народность. Однако каждый решал эти проблемы по-своему. Как отметил Л.А. Анненский, «общего языка нет, хотя оба писателя решают одну задачу: оба пытаются применить нравственный абсолют к человеческим ценностям и человеческие ценности к реальной жизни». «Фигурально говоря, оба строят один замок, но тот (Достоевский – М.Ч.) – с воздуха, а этот (Лесков – М.Ч.) – с земли. Из небесной бездны земная глубь не различается: связи почти нет; возникает не связь, а аннигиляция...» [1, с.304]. Свидетельством тому стала серьезная дискуссия, развернувшаяся между писателями по поводу произведений Лескова «Соборяне» и «Запечатленный ангел».

На первый взгляд, Достоевского привлекли сюжетные несуразицы и нелепости, связанные с попытками Лескова логически объяснить чудесные явления, которые он изобразил и в романе, и в «святочном рассказе». «Это повесть, - пишет о «Запечатленном ангеле» Достоевский в полемической статье «Ряженный», - о том, как раскольники, человек сто пятьдесят, целую артелью перешли в православие, вследствие чуда... Очень занимательно рассказано» [2, т.21, с.58]. И тут же он задает Лескову иронический вопрос: «к чему ж тут радоваться, чуду распечатления или соскользнувшей бумажке?». Заодно он вспомнил описанный Лесковым в «Соборянах» конец дьякона Ахиллы: «Поимка черта... чтобы мотивировать смерть от простуды» [2, т.21, с.57].

Следует заметить, что у Лескова не было преклонения перед народной верой. Более того, он не раз заявлял, что «русский народ не христианин, а еретик», ни в какое чудо не верит [3]. Писатель, сталкивавшийся с суевериями, сектантством, обрядоверием, но хорошо знавший апокрифы, религиозные легенды и духовные стихи, созданные в народной среде, понимал, что в реальной, бытовой жизни русский человек склонен соблазняться мистическим и непонятным, *верить от чуда.*

Достоевский же, как подчеркивал Анненский, «всецело втянутый в ситуацию «культуры», ищет выхода в «безднах» и «пророчествах», в осознании чуда, тайны и авторитета» [1, с.299]. Поэтому, необходимо добавить, что для Достоевского возможно было только одно – *чудо от веры*. Именно это и разделило двух классиков.

В этой связи интересным представляется изображение Лесковым и Достоевским московского юродивого Ивана Яковлевича Корейши (1783-1861). Они вспомнили о нем независимо друг от друга и в разные годы: Достоевский – в романе «Бесы» (1872), Лесков – в «святочном рассказе» «Маленькая ошибка» (1883).

В Толковом словаре В.И.Даль пояснял: «Юродивый, безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший; народ считает юродивых Божьими-людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвидение; церковь же признает и юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства; но в церковном же значении юродивый иногда глупый, неразумный, безрассудный... Принимать на себя юродство, юродиться, юродствовать, напускать на себя дурь, прикидываться дурачком, как дельвали встарь шуты; шалить, дурить» [3, т.4, с.669].

В последней четверти XIX в. к явлению юродства отношение стало весьма скептическим. И это несмотря на то, что оно имело глубокие исторические корни и было призванием преимущественно русского православия. Именно на Руси юродство как особый чин мирской святости достигает полного расцвета, неведомого ни греко-византийскому, ни тем более римско-католическому миру. Известно, что русская православная церковь только официально причислила к лику святых 36 юродивых. Поэтому позволительно будет отметить, что содержание этого подвига уникально и в определенном смысле парадоксально. Внешне оно проявляется в отрицании и попрании всяческих общественных установлений и приличий. Юродивый предстает порочным, безобразным и безумным перед миром и людьми, но пребывает добродетельным и мудрым перед Богом. Это противоречие разрешается через юродствующее «посмеяние миру»: своим мнимым безумием, «мудрой глупостью», юродивый посрамляет «глупую мудрость» мира. Неслучайно в период расцвета этого явления на Руси в XIV – XVII вв. юродивый становится «ходячей мирской совестью, живым образом обличения людских пороков». Но позднее юродство «спускается в народ и претерпевает процесс вырождения» [4, с.201], не исчезая, однако, окончательно из русской жизни. И даже еще в середине XIX в. в Москве и Петербурге почитались бл. Анна Ивановна, бл. Матренушка-Босоножка, Пелагея Ивановна Серебрянникова, Василий Босой, Егорушка Тихвинский,

петербургский затворник Матвей, странник Александр Михайлович Крайнов, странница Дарьюшка, юродивый Иоанн, Прокопий Усюжский, преподобный Михаил Клопский. Но попутно появлялись и темные личности, которые принимали личину юродства из своих личных, прагматических интересов. И зачастую одно от другого, лик от личины, отделить было сложно.

Юродивый И. Я. Корейша, который послужил прообразом для персонажей Достоевского и Лескова, был широко известен в Москве в первой половине XIX в. По несправедливому навету он сорок лет провел в сумасшедшем доме – Преображенской больнице. Но к нему даже туда съезжались за советами со всех концов России: о нем стала распространяться слава прорицателя. Она росла и проникала во все слои общества до литературного и университетского мира включительно. Известно, что у него искали ответы на духовные вопросы и филолог и будущий академик Ф.Буслаев, и писатель Н.В.Гоголь (хотя последний так и не решился нанести визит юродивому).

Однако большинство людей, посещавших блаженного Иоанна Яковлевича, не интересовались его аскетическими подвигами, а приезжали только для того, чтобы узнать о своем будущем и испытать «новую живую диковину» – сумасшедшего пророка. Именно этот жизненный материал привлек внимание такого Н.С.Лескова. Сюжет его святочного рассказа «Маленькая ошибка» строится на повествовании о том, как в семействе, столь приверженном к советам Ивана Яковлевича, происходит грех и недоразумение. Родители просят у Господа послать чадо своей бездетной старшей, замужней дочери, а беременеет младшая, незамужняя. Причин тому в рассказе две. Первая - чисто реальная и житейски объяснимая - грех Екатерины Никитишны. Вторая, которую автор подает безо всяких комментариев, - "маленькая ошибка" якобы Ивана Яковлевича и в то же время матери обеих дочерей, которая вместо старшей Капитолины подала в просительной записке для молитвы Ивану Яковлевичу имя второй своей дочери - Екатерины.

Родители обеих дочерей - люди обытовленные, обрядоверцы. Они "прилегают" Ивану Яковлевичу не в духовных, а в житейских своих нуждах. Отсюда и возникающий в рассказе комизм: Тетушка не верит в "непорочное зачатие" своей дочери, пусть и по молитвам Ивана Яковлевича, а дядюшка хочет взять в руки большую палку и отправиться «чудотворца бить». Соль рассказа о вере и неверии состоит в том, что тетушка и дядюшка, считавшие себя людьми истинно верующими, идут к Ивану Яковлевичу не с одной, а с двумя просьбами: "Рабе Капитолине отверзть ложесна, а рабу Ларин усугубити веру". Ларий - имя мужа Капитолины. Зять тетушки - художник, который хотя и расписывает

храмы, но при этом играет в карты и чертыхается. В дальнейшем все переворачивается. В минуту испытания веры зять выступает как истинный христианин, мудрец и миротворец, хотя все это не по большой вере, а в обычном житейском смысле. При этом он настаивает на том, что все сделалось по молитвам Ивана Яковлевича, и даже выступает как учитель в вере для тех, кто еще вчера ходил просить об укреплении его в вере. Карнавальная путаница вполне соответствует духу святочного рассказа. В святочном рассказе Лескова реальные и мистические мотивы, двигатели сюжета, переплетаются по-бытовому и не без комизма. Он заканчивается так, как и положено святочному рассказу. В финале у Екатерины Никитишны просит руки ее соблазнитель, родители довольны, просительная записка у Ивана Яковлевича изъята и разорвана на мелкие клочки.

Но как изобразил Лесков самого Ивана Яковлевича? Несмотря на то, что формально он стоит в центре событий, его роль в рассказе, по существу, чисто служебная, - создавать комичные ситуации. В рассказе упоминается, что Иван Яковлевич сидит в сумасшедшем доме и его неясное бормотание, «пророчества» вроде «есть убо небесе», скорее можно принять за бред сумасшедшего. Реплика же тетушки о том, что "все ему явлено", в контексте рассказа воспринимается скорее как сила самовнушения, не выдерживающая, однако, проверки реальностью.

В романе Достоевского "Бесы" Иван Яковлевич карикатурно изображен под именем Семена Яковлевича. Семен Яковлевич "проживает на покое, в довольстве и холе", при этом люди, приходящие к нему, сами обманывают себя, "добиваясь юридического слова, поклоняясь и жертвуя". Весьма выразительны глаголы, обозначающие действия Семена Яковлевича: "изволит обедать", "заседал ... в креслах", "откушал уху", "изволил выговорить сильным басом", "приказывал", "указал", "наградил", "не унимался", "ткнул пальцем" и т.п. [2, т.10, с.256].

Достоевский создает фактически еще один образ Фомы Опискина. Интересно, что еще в повести «Село Степанчиково и его обитатели» писатель упомянул о Корейше как явлении двусмысленном и связал его с образом Фомы: «Мало-помалу он достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияние различных иван-яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями, из любительниц» [2, т.3, с.8].

Но в «Бесах» интересно и то, как Достоевский изображает посетителей Ивана Яковлевича, явившихся к прорицателю за чудом. «В комнате былолюдно – человек до дюжины одних посетителей. <...> Все ждали своего счастья, не осмеливаясь заговорить сами. Человека четыре

стояли на коленях, но всех более обращал на себя внимание помещик, человек толстый, лет сорока пяти, стоявший на коленях у самой решетки, ближе всех на виду, и с благоговением ожидавший благосклонного взгляда или слова Семена Яковлевича. Стоял он уже около часу, а тот все не замечал» [2, т.10, с.276]. Посетители Семена Яковлевича, пришедшие за "юродивым словом", а вовсе не за духовной поддержкой, смешны у Достоевского в своем самообмане. Не случайно эпизод, рассказывающий о посещении веселой компанией Семена Яковлевича в сумасшедшем доме, заканчивается комично и некрасиво.

- Что же, Семен Яковлевич, неужто не «изречете» и мне чего-нибудь? А я так много на вас рассчитывала.

- В...тебя, в... тебя! – произнес вдруг, обращаясь к ней, Семен Яковлевич крайне нецензурное словцо. Слова сказаны были свирепо и с ужасающе отчетливостью. Наши дамы взвизгнули и бросились стремглав бегом вон, кавалеры гомерически захохотали. Тем и кончилась наша поездка к Семену Яковлевичу [2, т.10, с.260].

В данном случае нельзя не вспомнить другую народную толпу, собравшуюся у старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы». Святость настоящая, освященная Христовым ликом и искренней верой, духовное общение старца со своими прихожанами, согретое христианской любовью к людям, как это отличает подвижничество Зосимы от юродствующего притворства Семена Яковлевича. Да и женщины, пришедшие в монастырь под Скотопригоньевском, не похожи на посетителей сумасшедшего дома, явившихся лицезреть «чудо».

ЛИТЕРАТУРА.

1. Анненский, Л.А. Несломленный. Повесть о Лескове / Три еретика – М.: Книга, 1988. С.229 – 351.
2. Достоевский Ф.М. Поли. собр. соч. в 30 т. – Л.: Наука, 1972-1989.
3. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка в 4 т. – СПб. – М., Издание книгопродавца-типографа М.О.Вольфа, 1882.
4. Федотов Г.П. Святые Древней Руси – М., Московский рабочий, 1990. - 269 с.